

Шукшинским дням — 2019 выпали две макушки. Два событийных центра имел Шукшинский фестиваль в этом году. Один традиционный — Пикет, другой — новый — определился в селе Никольском Советского района, где 26 июля на доме по улице Тырышкина, 1 была открыта мемориальная доска Виктору Петровичу Астафьеву в честь 95-летия писателя и в память о том, что именно здесь, в этих стенах, создавался роман «Прокляты и убиты». Авторами памятного знака выступили архитекторы Петр Анисифоров и Татьяна Дьякова.

Встречая гостей, Никольское явило хлебосольство во всей своей широте. Без какого бы то ни было специального финансирования, прибегнув к давней традиции складчины и помочей, объединив силы и таланты, сельчане подготовили и праздник, и изобильный стол, и деревенское «такси» организовали. Конек, запряженный в телегу, и привлек наше внимание первым делом, поскольку для нас, городских, коняжка — невидаль: и погладить хочется, и кличку узнать. «Громом зовут, — отвечали юные возницы. — Можем прокатить». С удовольствием уехали мы в устланный коврами и половиками салон, и экипаж в составе никольских школьников Жени Гурьянова, Лёвы Свяженцева, Паши Акпыжаева провез нас — меня и гостя Шукшинского фестиваля поэта Андрея Дмитриева — кругом почета по деревенским улицам.

Знакомство с Никольским продолжилось в музее, созданном три года назад по инициативе бывшего учителя математики Гаврила Гавриловича Исакова и его жены Анны Ивановны. В разговоре тотчас открылся почти что музейный факт: 57 лет супруги в браке.

Застрельщиков Исаковых жители села поддержали, создали совет музея, и в настоящее время Никольское владеет несколькими полноценными историческими коллекциями.

Экскурсия по музею тут же обнажила и проблемы. Судя по черным разводам на потолке и по тому, что музейные экспонаты местами предусмотрительно прикрыты полиэтиленом, крыша ДК, в котором и обустроилась сельская кунсткамера, протекает давно и серьезно. Хочется верить, что в ближайшем будущем объект культуры из Никольского войдет в одну из инвестиционных краевых программ.

Дом, в котором не однажды останавливался русский писатель Виктор Петрович Астафьев, определился легко. Усадьба, призванная на время

стать праздничной сценой, была со вкусом украшена. Поверх ограды, уголком, женщины накинули павловопосадские платки и цветастые шали; из четырех валков сена и доски, обернутой пестрым половиком, соорудили скамейку для зрителей; и колесо, архаичное, деревянное, прекрасно вписалось в интерьер своими вечными смыслами. Казалось, будто и благоухающий цветник специально подготовлен к событию, хотя известно, что существует он здесь всегда, без привязки к теме.

Как водится, по торжественному случаю звучали речи, выступили режиссер документального кино Владимир Кузнецов, секретарь писательской организации Алтайского края Анатолий Кирилин, кинооператор и фотограф Анатолий Заболоцкий, председатель Фонда им. В. П. Астафьева писатель Михаил Тарковский, гость Шукшинского фестиваля прозаик Павел Басинский.

Эх, будь тут литературовед и критик Валентин Курбатов! Неминуемо блеснули бы у всех слезы жалости и радости. Валентин Яковлевич сроднился с Никольским в пору съемок здесь летом 1991 года фильма «Жизнь на миру» о Викторе Астафьеве (режиссер В. Кузнецов), и весь простор и свет, отпущенный этому месту, он помнит и любит до сих пор. В письмах Валентина Яковлевича к Виктору Петровичу Астафьеву Никольское предстает райским уголком: «...вспомните покойный день в Никольском. А поездка наша по Чуйскому тракту до монгольской границы была чудо как хороша и нужна душе. Наглядеться не мог на землю, все слова порастерял — для этих пространств нужно поискать другие глаголы»¹ (31.07.91); «получил чудесное и печальное письмо от Тани Андросовой (сестры Володи Кузнецова) и страшно затосковал по Никольскому, по счастливым нашим вечерам на крылечке, по песням. Что за славные были дни!»² (01.01. 92); «... родное уже Никольское, где мы блины на крыльце ели»³ (28.04. 92); «все думал, что мы в какой-то предотъездный день сядем на завалинке и я скажу о счастье дней в Никольском, о здоровой несуетливости бесед, вообще о том, как сполоснулась душа "от всякия скверны"»⁴ (19.08. 92).

Нежные слова о Никольском летали туда и сюда над Россией: из Пскова в Красноярск и обратно, из обоих городов, стоящих по краям страны, в алтайское село.

¹ Виктор Астафьев. Валентин Курбатов. Крест бесконечный. С. 281-282

² Там же. С. 288

³ Там же. С. 301

⁴ Там же. С. 302

Виктор Петрович пишет семье Андросовых 27 декабря 1991 года: «Как Вы далеко-то! А то бы пришел к Вам в Рождество на блины и наконец-то пели бы мы с Таней все сибирские песни, хряпнув перед этим по рюмахе. Очень тепло вспоминаю Ваше село и встречу с Вами, ибо кругом зло, мрак, разрушение, а у Вас крестьянский мирный дом, и все так хорошо. ... Я закончил «Последний поклон» и работаю над военным романом. Когда «Поклон» выйдет полностью, непременно пришло бы Вам, а, может, и сам привезу. Устану вот совсем, изнемогу от этой страшной жизни, возьму и рвану в Ваше замечательное село, да и спрячусь от людей...»⁵

Он и спрятался. Сбежал из Овсянки, потому что «шибко отрывают» от работы. В Никольское, в дом сестры, доставил Виктора Петровича режиссер Владимир Кузнецов.

— Признаться, побаловать гостей было особо нечем — девяностые, никаких изысков, — рассказывает гостям и односельчанам хозяйка дома Татьяна Сергеевна Андросова. — Ну, блинчики или когда пельмени постряпаешь, а больше-то что? Но Виктор Петрович и в еде, и в быту был очень непритязательным человеком. Не выдумывай ты, Татьяна, говорил, чем оно проще, тем вкуснее. А из комнаты, где писал роман, он выходил хмурый, обессиленный, однажды даже упал. Будто из боя выходил.

О писательской каторжной ноше Виктор Астафьев сообщал Валентину Курбатову в письме от 22 февраля 1994 года: «Да и я еще не писал такого тяжелого текста, и не все я вывез на гору, и не сделал еще роман таким, каким хотел бы, но лучше не умею, не справляюсь со страшной задачей, какую сам себе задал, но и того, что есть, с меня довольно. Не скоро я примусь за третью книгу. Шибко устал, обескровился, надсадился»⁶.

Памятный знак в Никольском, будем надеяться, всколыхнет новую волну интереса к творчеству Астафьева и его роману о войне «Прокляты и убиты», самому спорному в XX веке. И, может быть, внимательного читателя выведет судьба еще к одной книге — «Крест бесконечный» (2002), в которой собрана двадцативосьмилетняя переписка Астафьева и Курбатова и которую называют последним русским эпистолярным романом. В нем — тревожная правда XX века, оголенные тайны русской литературы и лиризм, и сердечность, и неизбывная боль за Родину.

⁵ Из личного архива Татьяны Андросовой

⁶ Виктор Астафьев. Валентин Курбатов. Крест бесконечный. С. 329

После открытия мемориальной доски Виктору Петровичу Астафьеву в селе Никольском развернулся настоящий народный праздник. Не расписанный по сценарию, а вольный, покатился, как на душу пришло.

Петь начали еще в застолье, сильным разгоряченным хором затянули «На муромской дорожке». Сладко пелось. Сердцем. Женские голоса господствовали, с чувством взвивались: «... чтоб мил забыл меня?» Потом пошли казачьи, давно-давние, никому не известные, в исполнении хозяйки дома Татьяны Сергеевны Андросовой и ее товарки Зои Петровны Каньшиной. Девчонками от родителей запомнили.

А на посошок, уже за калиткой, вдарили частушки. Упоительный словесно-мимический диалог куплетисток и гармониста Юрия Яркина из села Советского, который в этой песенной перебранке отдувался за всех мужиков, — театр, конечно же, фольклорный театр. Крепкие припевки взрывали зрителей. Смех и хохот. Спрятанные в рукав — от смущения — лица. Народ притопывал и прихлопывал. Давай, давай. Ещё-о-о-о. Как редко мы смеемся, позабыв обо всем на свете. А тут в частушечном, скоморошьем деревенском круге — полный релакс. Очищение.

И все время, что довелось мне провести 26 июля возле дома по Тырышкина, 1 в селе Никольском, помнила я о недавнем письме Валентина Яковлевича Курбатова ко мне: «А вот карточки буду ждать. И Никольского, и Сросток, а, может, и Смоленского — некогда дорогих мест, которые мы навещали с Виктором Петровичем».

Фотографии давно отправлены, а думается еще о многом. О том, например, что подошли в Никольское и незримо встали в круг гостей дружившие с Виктором Петровичем Астафьевым отец Михаил Капранов (не случайно матушка Галина Тихоновна Капранова возложила букет роз к портрету писателя), поэт Владимир Башунов, посвятивший Астафьеву этюд «Вздых»; писатели Евгений Гуцин, Александр Родионов...

И вот еще: с открытием мемориальной доски В. П. Астафьеву важно не только говорить о том, что на литературной карте Алтая появилась новая точка, но и понимать, что Никольское, так счастливо попавшее в классический эпистолярный, отныне стоит в одном ряду со Сростками, Овсянкой, Болдино, Михайловским и десятками других русских сел, освященных писательскими судьбами.